

Современное религиоведение в спектре мнений российских исследователей религии

М. Ю. Смирнов

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Материалы к статье, которую М. Ю. Смирнов планировал опубликовать в данном выпуске журнала. Это одновременно и манифест «что делать – в российском религиоведении?», и его завещание в науке. Мнения коллег, которые он систематизировал по вопросам, которые отражают практически весь спектр проблем, волнующих исследователей религии. Как писал сам М. Ю. Смирнов: «Дальнейшее действия будет определяться степенью успешности состоявшихся действий и активностью подключения к общему делу новых участников. Предлагаемая инициатива направлена главным образом на консолидацию профессиональной среды российских исследователей религии через соучастие в расширяющемся проекте, с вовлечением в него не только уже состоявшихся, но и молодых ученых. Приветствуются любые конкретные предложения по усилению проекта» (из письма М. Ю. Смирнова от 28.05.2024).

Для цитирования: Смирнов М. Ю. Современное религиоведение в спектре мнений российских исследователей религии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2025. – № 1. – С. 27–57. DOI: 10.35231/18186653_2025_1_27. EDN: AZQVWT

Modern Religious Studies in Russian Researchers of Religion Opinions Spectrum

Mikhail Yu. Smirnov

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

This article presents materials intended for publication by M. Yu. Smirnov in the current issue of the journal. It serves as both a manifesto addressing the question, “What is the future of Russian religious studies?” and as his final testament to the field. The perspectives of colleagues, which he has systematically organized and articulated, encompass a broad spectrum of challenges faced by researchers in the study of religion. As M. Yu. Smirnov noted, “The future course of action will depend on the success of previous initiatives and the engagement of new participants in our collective endeavor. This proposed initiative primarily aims to strengthen the professional community of Russian religious studies scholars by fostering participation in an expanding project that includes both established and emerging researchers. We welcome any specific suggestions for enhancing the project” (from the letter of M. Yu. Smirnov dated 28 May 2024).

For citation: Smirnov, M. Yu. (2025) Sovremennoe religiovedenie v spektre mnenij rossijskikh issledovatelej religii [Modern Religious Studies in Russian Researchers of Religion Opinions Spectrum]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 27–57. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2025_1_27. EDN: AZQVWT

(1) 28 мая 2024 года по адресам электронной почты я направил нескольким десяткам российских учёных, представляющих разные науки, изучающие религии, письмо-обращение с предложением высказать своё мнение о современном состоянии отечественных научных исследований религии, обозначив многообразие этих исследований общим понятием *религиоведческих*. Ответы поступали в течение полугода до 24 декабря.

Каждому, кто был бы готов отозваться, предлагалось сформулировать ответы на два вопроса:

1) что по Вашему мнению является фундаментальной и обязательной проблематикой религиоведческих исследований?

2) что в нынешние времена не только представляет академический интерес, но и требует неотложной религиоведческой рефлексии и обсуждения в профессиональной среде?

(2) Для составления списка адресатов были избраны два критерия:

Первый критерий – насколько это возможно, *объективный* – это наукометрические данные в системе e-library/РИНЦ.

Мы все понимаем, что количественные показатели в этом ресурсе далеко не всегда отражают действительное научное качество наших трудов. Но в России нет, к сожалению, других, более тщательных и широко охватывающих наукометрических систем.

Второй критерий – *субъективный* – это мои собственные представления о научном авторитете и уровне профессиональной компетентности адресата. Поскольку я давно и достаточно активно, так сказать, присутствую в религиоведении, то полагаю, что имею об этом представление, близкое к реальности.

В конце концов, профессиональная среда или, позволено сказать, совокупность субкультур российских исследователей религии, независимо от их научной специальности и места работы – вполне обозрима и не столь уж трудно выявить здесь наиболее заметные персоны.

(3) Все адресаты, а их **77** человек, имеют учёные степени – в основном по философским, социологическим, политическим, историческим наукам и культурологии; среди них **55** докторов наук, **21** кандидат наук, **1** без учёной степени. Географическое пространство трудовой деятельности коллег – от Москвы и Санкт-Петербурга до Владивостока.

Прямо скажу, что сам подбор адресатов – это уже в какой-то мере научная проблема, поскольку в подоплёке выбора кроется вопрос о признаках религиоведческой идентичности. У нас до сих пор временами вспыхивает дискуссия о том, религиоведение – это самостоятельная наука или условное общее зонтичное обозначение конгломерата разных направлений исследования религий.

Очевидно, что номинальные признаки, например, такие как содержание и название публикаций или же научная специальность учёной степени, не обязательно влекут за собой самоидентификацию исследователя религий именно как *религиоведа*. Знаю нескольких таких учёных, защитивших диссертации по маркировавшим в разные годы религиоведческие специальностям 09.00.13, 09.00.14 и по нынешней 5.7.9.

Кроме выбранных мной коллег, в России есть ещё ряд хороших специалистов, известных как серьёзные исследователи религиозной проблематики, с учёными степенями, например, по психологическим, географическим и филологическим наукам. Но, проведя точечный персональный мониторинг публикаций или выступлений, я намеренно решил не включать в число адресатов тех из них, кто сам явно не склонен ассоциировать себя с религиоведением.

Тем не менее, некоторым исследователям, сообщившим, что они не относят себя к религиоведению, из среды антропологов религии, социологов религии, историков религии, представителей политических наук, запросы я отправил, руководствуясь собственным пониманием того, под какой рубрикой можно воспринимать их научные труды. И, что для меня очень важно, эти коллеги сочли возможным всё-таки прислать свои ответы именно по смыслу заданных вопросов, что даёт мне основание рассматривать их в поле религиоведения. Среди откликнувшихся адресатов есть и один обладатель докторской степени по теологии, как государственной научной специальности.

(4) По состоянию на конец декабря 2024 г. поступили отклики от **52** адресатов из 77 запрошенных (ответили 35 докторов и 16 кандидатов наук, 1 коллега без учёной степени). Не поступили ответы от 22 человек (17 докторов и 5 кандидатов наук). <...>

Тем не менее, две трети адресатов содержательно откликнулись на моё обращение, что позволяет мне считать опрос вполне представительным.

(7) Теперь немного – о содержательной стороне откликов. <...>

Итак, прежде всего отмечу критику. В двух откликах высказано мнение о запоздалости поставленных вопросов, поскольку время, когда ещё можно (и нужно) было отстаивать суверенность российского религиоведения, как полагают ответившие, миновало; теперь остаётся только заниматься своими научными интересами, пока сохраняется такая возможность (3, 44)¹. Ещё два отклика также содержат сомнение в продуктивности обсуждения цели и задач религиоведения, поскольку, по мнению авторов, религиоведение формируется не каким-то единообразным пониманием, а из научной практики конкретных трудов конкретных исследователей, чем и следует заниматься, не отвлекаясь на обобщающие абстракции (34, 45). <...>

Главный же предмет критики относится не к двум моим вопросам, а к дальнейшему содержанию письма-обращения, где речь идёт о предложении обсудить формат корпоративной религиоведческой идентичности и конвенциональное понимание профессионального религиоведения, определяющее его обязательный квалификационный уровень. По этому поводу четверо коллег высказали опасение в риске навязывания единообразия и ограничения свободного научного творчества какими-то обязательными регламентами (8, 14, 22, 39). <...>

Предложенный проблемный спектр весьма обширен. Но уже можно сказать о двух заметных осях, вокруг которых выстраиваются ответы. Обе вполне предсказуемы. Первая – пересмотр теоретико-методологического аппарата исследований религии. Вторая – повышение публичной и образовательной востребованности исследовательских результатов и научных знаний.

В завершение приведу путём перечисления некоторые из тех проблем, которые были чаще всего обозначены в полученных ответах.

По первому вопросу обозначились такие темы:

Религиоведение должно рассматривать религию не как фиксированную сущность, то есть как явление, которое име-

¹ Не имея на этот счет четких указаний, мнения коллег мы публикуем без указания фамилий, в скобках под порядковым номером из списка ответивших коллег, составленного М. Ю. Смирновым.

ет универсальную значимость и эмпирическую реальность и поэтому может быть четко описано (например, посредством так называемого *реального определения*), а как *дискурсивную категорию*, которая формируется и постоянно изменяется в процессах социальных переговоров (1).

Отношения религиоведения с теологией на различных уровнях теологического знания (теология как мистический опыт и вероучение, теология как форма мышления, теология как совокупность академических дисциплин); отношения религиоведения с частными дисциплинами, изучающими культурные миры религиозных традиций: индология, буддология, исламоведение, иудаика и др. Вопросы о целостности религиоведения как академической дисциплины и вопрос о соотношении субдисциплин религиоведения и соответствующих разделов смежных дисциплин. Вопрос о соотношении гуманитарной, «общественной» (социологические аспекты) и «естественной» (когнитивные аспекты, нейропсихофизиология) составляющих в религиоведении. Отношение религиоведения к своему предмету, к религиозной жизни и людям – ее носителям. Интересует ли религиоведов преимущественно религиозная жизнь «виртуозов» и «гениев» религии или скорее массовая среднестатистическая религиозность? (2)

Выработка основного религиоведческого лексикона из понятий и категорий с разделяемыми в профессиональной среде смыслами и значениями (4).

Если исследование не направлено (в конечном счёте) на установление сущности изучаемого объекта, то оно не является научным. Множественность определений религии как раз и свидетельствует об актуальности проблемы, ведь любое новое определение – это своего рода попытка её решить, пусть не в универсальной форме, а в рамках определённой операционной системы. Нон-эссенциалистский подход к пониманию религии считаю несостоятельным, так как он размывает предмет научного исследования во множестве разнородных дескрипций. Что является фокусом религиоведческого исследования – понимание того, чем, кроме объекта своего исследования, например, история религий отличается от истории России, а психология религии от социальной психологии – это проблема для религиоведов, а не для историков или психологов. Демаркация ре-

лигиозных и нерелигиозных феноменов или проблема границ религии. Проблема непосредственного исследования религиозных чувств (опять же вначале нужно решить, как отличить их от нерелигиозных), и проблема выражения религиозного опыта в разных дискурсах, символах и образах, как некоторой религиозной традиции, так и повседневной жизни (5).

Фундаментальная задача религиозоведческих исследований – изучение социальных аспектов религии, в том числе ее социальных последствий для индивида и общества, вклада религии в социальную жизнь, социально-исторических форм религиозности, специфики религиозных сообществ и практик в различных типах общества (6).

Изменение в отношениях между институционально закрепленными образцами религиозной традиции и «переживаемыми», реально существующими ее вариациями. Спецификация религиозного, достижение хотя бы базисного теоретического, а не просто интуитивно понятного представления о том, что религиоведы считают религией. Методологическое самопозиционирование; это позволит понять, в какой парадигме работает автор и избежать «плюрализма в одной голове» = эклектического микширования взаимоотрицающих аксиоматических оснований и подходов в рамках одного исследования (7).

О фундаменте религиозоведческих исследований. Думаю, что при всей междисциплинарности нашей сферы это, все-таки, история религий. Изложение истории религии с опорой на факты, документы, письменные и неписьменные свидетельства – это костяк религиоведения. Все остальные религиозоведческие дисциплины и проблематики не столь «фундаментальны» (8).

Выявление мотивов и оснований недоверностей в фактологическом, социологическом и социально-психологическом материале, на который опираются теоретические построения религиоведов наших дней (9).

Необходимость изучения истории понятий в современном религиоведении. С одной стороны, это состояние перехода и неопределенности заставляет вернуться / повернуться к «основам», к языку религиоведения на его заре, а с другой стороны, рождает потребность говорить о религии и религиозных феноменах языком «пост», «нео», «мета», «квази» и т. д. и т. п. И в том и другом случае велик риск того, что «слова»

будут заменены «словесами» (или по иному мусором), так как они не будут отражать изучаемую эмпирическую реальность (НРД, новые религии станут сектами, а новейшие проявления архаичных форм верований и обрядов, религиозным постмодернизмом и т. д. и т. п.). «История понятий в религиоведении» будет выступать одним из способов саморефлексии религиоведения, являться возможностью «быть над» религиозными или идеологическими предпочтениями и общественными перспективами, что и определяет самооценку религиоведения (10).

Методология (религиоведческая эпистемология); открытость / закрытость комплекса религиоведческих дисциплин; экспликация новых форм религии и религиозности («сконструированные» Кэрл Кьюсак; «основанные на вымысле» Маркуса Дэвидсена; «религии буфета/меню»; квази-; псевдо-; пара-религии и т. д.) (11).

Во-первых, необходимо ОПРЕДЕЛИТЬ роль и место различных конфессий (не только православия) в становлении российского государства. Во-вторых, одной из значимых проблем религиоведческих исследований должен стать постоянный мониторинг реального отношения россиян к религии и церкви, не нужно выдавать желаемое за действительное. В-третьих, выявление влияния публичных высказываний (Дугин, Белоусов, Мединский и пр.) на изменение отношения граждан России к православию и другим религиям (12).

Чтобы выработать конвенциональное понимание профессионального религиоведения и корпоративную идентичность, для начала нужно прийти к общему знаменателю касательно того, что есть религия. <...> Политический лоббизм, правозащитная деятельность, конструирование исторического канона и идеологий – всё это учёные стремятся исключить из своей сферы, поскольку им в первую очередь интересно, **как всё устроено**, а не **как всё надо переустроить**. Учёный это тот, кто изучает факты и реконструирует течение процессов. И только потом он может высказать своё мнение по актуальным вопросам или прогноз. <...> Успех же нашей общественно значимой деятельности, коль скоро мы решаем её заниматься, возможен лишь на капитальной исследовательской базе и благодаря ей. В противном случае мы не будем отличаться от журналистов или блогеров. Общенаучная корректность исследования (отсутствие плагиата, рерайта, необоснованных выводов, хоро-

шее знакомство с литературой по теме, языковой кругозор) и приращение знания о религии, к примеру: исследования психологической природы религиозности с помощью новейших междисциплинарных методов; исследования социологических аспектов религиозности с применением больших данных и методологии точных наук; открытие новых (неизвестных, забытых) текстов, их переводы и издание; прослеживание неизвестных или забытых цепочек в истории религиозных идей (13).

Если первый вопрос подразумевает овладение обязательными для специалиста фундаментальными знаниями, особенно – на стадии профессионального образования, и повышение религиозоведческой компетентности, то это несомненно необходимо. Что же касается «обязательной проблематики», то она не может быть единой для всех – это уже вопрос не образования, а специфики научных интересов в различных направлениях исследования религии; в каждом направлении есть своя проблематика. Хорошим ресурсом для определения этой специфики являются конференции – отечественные и международные; диапазон их тематики показывает – чем в настоящее время интересуются исследователи, что им видится актуальным (14).

Главное – не ограничивать проблематику исследований никем и ничем. Развитие науки возможно только в ситуации, когда есть и коллективы, работающие над «актуальными», «заказными», «модными» темами, а есть и энтузиасты-одиночки, ковыряющиеся в неведомых никому не интересных штуках. На мой взгляд, сегодня и всегда, в России и где угодно, важнейшая проблематика – методология исследований и разъяснение терминологии. Вопрос «как говорить о религии» важен для таких прикладных профессий, как социологи-маркетологи, журналисты, киношники и экскурсоводы – важно уметь донести до них просто, но адекватно научные знания (и как-то убедить, что религиозоведческое, точное и проверенное знание лучше, чем их обыденное, но это недоверие к науке не только для религиозоведов беда). Второй момент – обсуждение современности. Единицы занимаются поп-культурой, всякими пограничными феноменами, активно захватывающими поле религиозных объединений – условными нью-эйджерями (15).

Соотношение «идеальных» религиозных установок и реальных религиозных взглядов верующих, трансформация

религиозных практик в зависимости от культурных и исторических условий (17).

Само понимание религии/религиозного. Это не об определении (научном) религии, а о том, с чем имеют дело религиоведы и прочие ученые, а также вообще интеллектуалы, когда сегодня говорят о религии. Здесь т. н. академический подход сталкивается с разными «прагматическими» подходами, и возникает вопрос: как первый подход может и должен соотноситься со вторыми. Иначе говоря, *религия*, с которой имеют дело ученые-религиоведы, это сплошь и рядом не та *религия*, о которой думают и говорят политики, публицисты, идеологи, журналисты, чиновники и проч., но также и т. н. представители религиозных сообществ (то есть сами «религиозники» в узком смысле) (18).

Фундаментальная и обязательная проблематика религиоведческих исследований: уточнение (программа-максимум – ревизия) основополагающего понятия «религия», с учётом произошедших основных изменений и трендов продолжающихся изменений в духовно-религиозно-общественной сфере современности; в связи с этим, но в качестве автономной большой задачи – классификация «пограничных» явлений, «гибридных» форм общественного сознания / социальной самоорганизации, сходных с религиозными в части своих существенных признаков (19).

Самой основательной теоретической проработки требует тема современной секуляризации. Надо рассматривать это явление как объективный исторический процесс, а не как чью-то злую или добрую волю. Именно как у объективного процесса у секуляризации нет некой конечной цели, вроде уничтожения религии, но есть своя динамика, определяемая соотношением разных факторов, вызываемых религией или действующих на религию. Ещё одной важной проблемой считаю разработку понятия «конфессиональное пространство» и применение этого понятия в исследованиях (20).

Вопросы о том, ЧТО должно быть в фокусе религиоведения, являются лишь частью глубокого и всестороннего анализа современного геополитического и антропологического глобального разлома. Эта трансформация влечет за собой и трансформацию природы человека, и трансформацию религии. Попытки

противостоят этому процессу размыва классического определения религии как веры в сверхъестественное, реализованное в культе, амбивалентны. С одной стороны, делается упор на традицию, причем с акцентом на внешнюю форму, особенно в публичном пространстве. С другой стороны, набирает силу релятивизм ценностей, новая этика, когда субъективное восприятие сущности и явления логически приводит к солипсизму. В исследовании религии важно найти золотую середину: между традиционным абстрактно-логическим объяснением сущности религии через идеи, чувства, поведение и организации, с одной стороны, и субъективно-идеалистическим («Религия есть самоутверждение человека в вечности». Лосев А. Ф.) с другой (23).

Не думаю, что предложенный гипернормативный подход полезен для развития науки. Наука для меня – свободный поиск истины (22).

Фундаментальной проблематикой является философия религии (со всей широтой дисциплинарного комплекса) и изучение социально-политической роли религии (24).

Аннулировать свое убеждение в том, что более чем за полтора столетия наука о религии пришла к убедительному знанию о том, что она изучает. Вопрос все еще стоит, и он никем не снят. Следствием такого хода должно стать дезавуирование двух навязчивых стратегий, формирующих современное религиоведческое поле: феноменологического эссенциализма, точно знающего, что изучается, и самоуверенного деконструктивизма, точно знающего, что ничего знать нельзя. Затем необходимо отказаться от убеждения в том, что философия религии – базовая религиоведческая дисциплина, а религия – это набор идей. Философия – это спекулятивный тупик, отделяющий исследователя религии от его предмета (25).

Религиоведение надо подавать, во-первых, как науку о религии, в самом широком смысле, во-вторых, как учебный предмет в образовательной системе и, в-третьих, как необходимое направление в просвещенческой деятельности, например, общества «Знание». Но главное – религиоведение является центром и скрепой всего того, что относится к концептуальной базе государственной политики в вопросах свободы совести (26).

Сколько будет жить религиоведение, столько будет жить проблема методологии. Как изучать, с помощью чего, уточне-

ние методов, методик и методологий, их расположение друг относительно друга, их эффективность, целесообразность. Фундаментальной (и обязательной) проблемой была, есть и будет демаркация границ религиоведческого знания, определение религиоведения, его предмета, функций и задач. Впрочем, это характерно для любой социогуманитарной науки. Религиоведение регулярно рефлексивирует над самим собой, описывает и оценивает (или переоценивает) свою историю, так что знать **историю** религиоведения является обязательным для любого, кто этим занимается. Сюда же в принципе стоит отнести и историю взглядов на **религию** хотя бы в общих чертах, начиная от первых употреблений этого слова до нынешних разработок (27).

Важнейший вопрос «каково соотношение теоретических и эмпирических исследований в изучении религиозности?» или «каковы требования к объему и содержанию собранного материала, чтобы можно было делать теоретические обобщения?» Не менее важный вопрос, в ответах на который исследователи расходятся – вопрос о наличии опыта религиозной жизни у исследователя религиозности или «можно ли адекватно познать то, что наблюдаешь со стороны – то, что сам не испытал» (29).

Формулирование фундаментальных задач научного религиоведения предполагает, что предметные границы научного религиоведения относительно четко определены. Однако в настоящее время необходимая ясность статуса религиоведения и его предметно-понятийной структуры отсутствует. Если религиоведение понимается как междисциплинарный комплекс, то, очевидно, что фундаментальные задачи на метапредметном уровне сформулировать не удастся. Вернее, сформулировать их можно, но они будут носить демагогический характер. В этом случае целесообразно сначала сформулировать фундаментальные задачи для относительно автономных компонентов религиоведческого знания, к которым, на уровне первого приближения, можно отнести: историческое религиоведение, географию религий, психологию религии, социологические и политологические аспекты изучения религий, философию религий и религиоведческую герменевтику (включая семиотику). Фундаментальные задачи перечисленных направлений не будут обладать общерелигиоведческим значением, их можно считать фундаментальными задачами «второго порядка». Да-

лее, используя метод наложения матриц, можно попытаться найти задачи, актуальные для нескольких направлений, но интуитивно думаю, что таковых не будет. Честно сказать, не вижу в этом ничего страшного. Другой подход – ограничить религиозоведение тем, что можно условно определить как «теоретическое религиозоведение». Это то, чему в принципе соответствует первые разделы классических религиозоведческих учебников постсоветского периода. При таком подходе определить фундаментальные задачи существенно проще, но такой подход существенно сокращает герменевтический горизонт исследований, является малопродуктивным и неинтересным. Решение поставленной задачи до определения статуса собственно религиозоведения, его предметно-понятийной структуры и места в парадигме научного знания (решение классификационных задач) невозможно (28).

Религиоведение – это обычная гуманитарная дисциплина или, точнее, набор дисциплин как, например, востоковедение. Она является детищем эпохи Просвещения, как и вся нововременная наука. Все те проблемы, которые являются обязательными для исторической науки, лингвистики, антропологии, социологии, психологии и т. д. становятся фундаментальными и обязательными вопросами религиозоведения. В первую очередь, – это вопрос о религии (священном) как феномене культуры. В современном религиозоведении приоритетными должны стать антропологическая, контекстуальная, диалогически-межкультурная и герменевтическая методология изучения религии. Религиоведение, как и любая другая наука, в построении своей концептуальной природы получает обоснование и объяснение от философии. Однако это не становится условием для включения в религиозоведение Философии религии. В той мере, в какой нововременная наука отличается от философии, в такой же мере от нее отличается и религиозоведение (30).

Религиоведение стремится понять религию как живую систему. Важнейшей проблемой является проблема определения сущности религии как формы человеческого существования. Между глубиной объективной природы и вершинами субъективных значений, между процедурами наблюдения и интерпретации, существует различие, и там, где есть разрыв, можно предполагать наличие срединного пути. Редукционизм психофизиологический, лингвистический, экономический и любой

иной вскрывает основания, впрочем, всегда разные, однако, при этом всегда делает сложное – простым. Когда такой ответ находится, теряется не только вопрос, но и стоящий за вопросом горизонт смысла. Культурный релятивизм низводит природу до человеческих сообществ, проникнут конвенционализмом, толкует «религию» как конструкт, мешающий видеть ее никогда не улавливаемую языком и возможно даже и отсутствующую суть. Можно увидеть мистику в конструктивизме, снимающем вопрос о религии как феномене и разрушающем миф о ее «природе». Думаю, что стоит между этими крайностями искать срединный путь – смотреть на религию как на антропологическое явление. Подлинная гуманистическая цель религиоведения – дать ответ на вопрос о сущности религии как особом антропологическом феномене, формирующемся на стыке природной необходимости и сознательной деятельности. Искомый религиоведением смысл религии сокрыт в ее остающейся неразгаданной антропологической природе (31).

Само слово «религиоведение», на мой взгляд, давно пора изменить, поскольку у него нет своей специфики. Религиоведение включает несколько различных дисциплин (философию религии, феноменологию религии, психологию религии, историю религии, социологию религии) со своими предметами, объектами, методами исследования, которые зачастую противоречат друг другу. Не говоря уже о теологии или конфессиональном религиоведении. Здесь вообще масса нестыковок. На Западе есть Religious Studies для более или менее не конфессионального религиоведения, хотя они могут и включать их. От названия многое зависит, от него и возникают многие проблемы и непонимания. Следует для начала решить, что такое религиоведение – комплекс разных дисциплин – истории религии, философии религии, феноменологии религии, психологии религии, социологии религии (что мне представляется логичным) или это самостоятельная область тех же из разных областей исследователей религии, своего рода Religious Studies, включая и конфессиональное религиоведение? Лично я считаю, что все это должно быть в ключе религиоведческих исследований, хотя слово религиоведение, на мой взгляд давно следует изменить на что-то другое. Содержание оставляем, форму меняем, поскольку слишком велик объем литературы,

учащимся (если работаем для них) его не осилить. Мой опыт говорит, что студенты не знают практически ничего из истории религии, мало из философии, и кое-что из социологии (поскольку уже проходили кое-что) и психологии религии (32).

Религиоведение – комплексная дисциплина, отличных работ в ее подразделах огромное количество, а еще больше – источников и полевых материалов. Не стоит также забывать, что безусловно признанные специалисты иногда меняют свою точку зрения (вспомним П. Бергера и его теорию секуляризации). Представляется, что внимательная работа с анализируемыми кейсами и отчетливое понимание используемой методологии и методики может сыграть более важную роль, чем широкая эрудиция в целом. Самым актуальным на данный момент является признание двух реалий современного религиоведения – невозможности избежать мультидисциплинарного подхода (а иногда – и методологического анархизма) и отсутствия строгих границ между религиозными и нерелигиозными явлениями. Возможно, это касается в большей мере исследований современной религиозности, но, как минимум, применительно к ней стоит признать, что мы всё чаще затрудняемся в размежевании того, что имеет отношение к пространству религии, и совершенно и светского. Культурная реальность не упрощается, а усложняется, особенно за счет приватизации религиозного опыта и его активное развитие в индивидуальном восприятии. Если добавить к этому активное использование методов религии в других сферах социальной жизни, то мы получаем очень тесное переплетение и взаимопроникновение этих сфер, требующее командного подхода и специалистов разного профиля. Отталкиваясь от такого представления и должен формироваться понятийный аппарат, в сочетании с методами и подходами. Думается, он в ближайшее время будет несколько аморфным за счет добавления пока еще непривычных терминов и значений. Не очень верится, что традиционно плюралистичные социально-гуманитарные дисциплины получатся свести к единой упорядоченной системе (33).

Наступила эпоха плюрализма как одной из исследовательских стратегий соотношения секулярности и религии, когда ни одно из соревнующихся мировоззрений не может позиционировать себя в качестве финального арбитра каждой

из имеющихся систем предельных смыслов, что дает индивидам и сообществам право свободно конструировать свою религиозную идентичность. В условиях кризиса прежней исследовательской стратегии в изучении секулярности и религии наиболее адекватной оказывается метапозиция как попытка оценить соотношение описываемой реальности и теоретических способов ее описания. Кроме того, метапозиция подразумевает принципиальный сдвиг исследовательского фокуса – с предмета в качестве объекта на субъекта – исследователя и на особенности исследовательского процесса. Соответствие определяется как той позицией, которую мы как исследователи занимаем и которая сформировалась в результате нашей личной истории, так и тем, насколько ясно мы отдаем себе отчет в собственных мотивах и причинах, заставляющих нас занимать ту или иную позицию и использовать те или иные понятия, не забывая об их исторической относительности (34).

Основой религиозоведческих исследований должна быть проблематика взаимоотношений религии и общества с позиций сознания и поведения человека, его ценностного отношения, интересов, установок во всем их противоречивом проявлении. И в то же время оставив трактовку, пояснения и дискуссии по поводу священных текстов самим представителям соответствующих религий, никак не претендуя быть судьей в этом процессе (35).

Необходимо исследование соответствий мотивации повседневной деятельности верующих их религиозным убеждениям. Получается, что для религиозоведческих исследований открывается широкое поле, связанное не только с «правильной» верой, но с тем, что «содержится в головах». Фактически, оказывается необходимо исследование приближенное к антропологическому и даже, в определенной мере, фольклористскому. При этом нельзя исключать канонического варианта вероучения как некой основы для исследования. Кроме того, нельзя исключать исторических, идеологических и политических аспектов, влияющих на положение конкретной религии в обществе, часто вне желания самих верующих этой религии/конфессии. Последний (*last but not least*), уже косвенно упомянутый мной аспект – это роль медиа, прежде всего интернета в распространении сведений о религии, в том числе жизнь виртуальных (религиозных) сообществ. Перечисленные мной аспекты не единственные.

Можно обратить внимание на конфликтогенные (терроризм, исламофобия и др.), связь миграции и сопутствующих религиозных проблем и трансформаций, конфессионально-религиозные (конфессиональные) проблемы (36).

Вопрос, существует ли у религиоведения специфическая методология или оно суммирует/обобщает методы исследования, применяемые смежными дисциплинами (социология, история, психология и пр.), когда они занимаются религиозными феноменами в качестве социологических, исторических и пр. объектов. Диссертации, в заголовках которых присутствуют слова с корнем *-религ*, защищаются по самым разным специальностям. Признавая многоаспектность/многогранность религии, можно ли предположить, что «смежники», занимаясь своим аспектом посредством проверенного инструментария, изучают религию не хуже нашего? Вопрос, конечно, провокационный, но всё же. Не остается ли нам «обрабатывать» исследования «смежников» (по типу полевого материала) и создавать из них теории среднего уровня? Если отвечать утвердительно не хочется, то надо попытаться определить, чего нам не хватает в «не наших» исследованиях религии. Спор о словах (то есть, терминах, которые приходят с популярными трудами популярных исследователей), возможно, имеет научный смысл – создание лексикона; возможно, открывает какие-то незамеченные еще или даже новые грани жизни религии. Здесь, как и во многих иных случаях, мы утыкаемся в вопрос о том, что такое религия. И отступаем, потому что всем надоело про это думать и говорить. Между тем, религиовед хотел бы быть уверенным, что феномен, который он изучает, именно религиозный. Может, попробовать договориться, чем религия не является? Это важно, например, в проведении полевых (религиографических) исследований: понимать, на что обращать внимание, как описывать (как вырабатывали свои методики этнографы) (37).

Наиболее актуальными я считаю следующие темы:

а. Взаимоотношение науки и религии, включая место религиоведения среди гуманитарных дисциплин (также: что есть религиоведение? совокупность дисциплин – история религии, социология религии, психология религии или самостоятельная дисциплина? а помянутые история, социология, психология религии – это часть религиоведения или разделы соответствен-

но исторической науки, социологии и психологии?). Сюда же относится взаимоотношение религиоведения и теологии, в том числе религиоведческий взгляд на теологию. И можно ли быть одновременно религиоведом и теологом?

б. Изучение эзотеризма в контексте современной культуры и религиозности.

в. Изучение синкретической религиозности современного человека.

г. Соотношение традиционных верований и культов («язычество») и неоязычества.

д. Критерии определения нового религиозного движения. Что значит новое?

е. Традиционные религии и гражданская религия.

ж. Применение религиоведческой методологии к традиционно не религиозным объектам: молодежные и др. субкультуры, политические партии и движения, спортивные сообщества, театр и пр.

з. Религия и идеология.

и. Отношение к феноменологии религии и статус философии религии (41).

Если речь идет именно о научных исследованиях, то это, во-первых, традиционные вопросы: понятие религии в ее современной динамике; различение в любой религии ее феноменологического ядра, вероучения, определяемого во многом духовным опытом в понимании ее адептов, и массовой бытовой «религиозности»; определение границ религиозной культуры, религиозной политики, религиозного искусства, религиозной этики и т. п.; а во-вторых, проблемы, которые встают по мере научного развития новых, неизвестных ранее, областей жизни: религия и искусственный интеллект; религиозные аспекты биоэтики; усложняющаяся коммуникация людей разных культур и верований в связи с резким ростом миграции, скорее даже, исчезновением границ традиционных регионов массового проживания людей одной веры (42).

Любая конвенция относительно понятий, принципов, методов это статика, которая устареет в процессе её кодификации, но, вероятно, она нужна. Самым простым вариантом такой кодификации являются учебники, справочники, энциклопедии. Возможно, необходимо взяться за написание нового

учебника по религиоведению, отвечающего новым реалиям. Можно создать интернет-ресурс с религиоведческими изданиями, как базу данных по религиоведению. Научные и научно-практические конференции, тематические онлайн семинары. Я полагаю, что серьёзная проблема это отсутствие эмпирических религиоведческих исследований. Если они и есть, то с крепким в антропологию или этнографию (43 и 21).

Изучаются отдельные аспекты процессов, и отсутствуют фундаментальные исследования (44).

Серьезным препятствием стало то, что мы на деле работаем в ином дисциплинарном поле. Это не мешает нам высоко ценить работы многих религиоведов, включая, разумеется, Ваши, и сотрудничать с ними в каких-то конкретных областях. Но некоторые как общие, так и весьма конкретные вопросы, связанные с корпоративной идентичностью, нам кажутся либо слишком отвлеченными для нас, либо попросту непонятными из-за отсутствия у нас практического опыта жизни в профессиональной среде религиоведов. Не без некоторого смущения признаемся, что, например, картина дисциплинарного кризиса, столь четко представленная в Вашем обращении, не провоцирует нас на поиск путей его преодоления, поскольку мы плохо представляем себе институциональный расклад сил в этой области (46 и 16).

На мой взгляд фундаментальной и обязательной проблемой (а отсюда и проблематикой) современных религиоведческих исследований, по крайней мере, в России является решение вопроса о четких критериях ключевых религиоведческих понятий, и в первую очередь, конечно, таких как религия, религиозная вера, вероисповедание и т. д. Если этого не будет сделано (а пока это не сделано), то говорить о единстве религиоведческих подходов, принципах научного анализа религиозных феноменов, понимания тех или иных их сторон, бессмысленно, ибо каждый исследователь, рассуждая на ту или иную «религиоведческую тему», вкладывает «свой» смысл в интерпретацию фундаментальных категорий, что, очевидно, нарушает логику научного анализа. Для того, чтобы преодолеть столь печальные явления и, главное, их последствия, в религиоведении должны быть даны четкие дефиниции ключевых понятий и даже «техническая» дефиниция религии, хотя мы знаем о невозможности ее единственного

и окончательного определения. Под «технической» дефиницией религии я понимаю ту, которая будет принята всем сообществом. Самый очевидный путь для построения такого определения – через совокупность свойств определить специфику именно данного явления (религии). Тогда, не претендуя на некую окончательность, вполне можно будет провести демаркацию между религиозным и нерелигиозным как таковым. Это первый, но важнейший шаг, позволит избежать в дальнейших исследованиях множества логико-методологических ошибок и, соответственно, ложных выводов. Важные здесь и вопросы типологизации религий, в особенности новых, возникших во второй половине XX в. (47).

По второму вопросу были указаны следующие темы:

Вопрос роли религиозных организаций в возрождении архаики в социальной жизни (1).

За постсоветское время не появилось ни одной целостной и систематической истории мирового религиоведения (за исключением книги А. Н. Красникова) и ни одной истории отечественного религиоведения (хотя отдельные аспекты того и другого, разумеется, исследовались и исследуются). Вопрос о критериях научности в религиоведении, уточнение и обоснование которых необходимо в свете широкого распространения конъюнктурных и псевдонаучных проектов. Написание (скорее всего, коллективом авторов и во многих томах) обновленной истории религии – на современном уровне фактических знаний, с учетом новых методологических подходов и проблематики. Вопросы, связанные с теориями секуляризации и их критикой. Коммерциализация религиозной жизни. Возможное значение религии как способа справиться с трагической, критической, драматической жизненной ситуацией. Отношения «традиционных» и «маргинальных» религиозных традиций и форм жизни. Проблемы религиозной свободы и свободы совести (2).

Увеличение количества финансируемых профильных проектов со стороны единственного сохранившегося фонда (РНФ) до уровня РГНФ и РФФИ. Поддержка функционирования «религиоведческих центров» и мероприятий (конференций, симпозиумов, конгрессов и т. п.) известных профильных и авторитетных кафедр (готовящих студентов по направлению подготовки религиоведение). Расширения перечня профиль-

ных журналов. Кооперация с заинтересованными конфессиями, конфессиональными учебными учреждениями (4).

Обсуждение и постсекулярной ситуации, и внеинституциональной религиозности, и процессов гибридизации в современной религиозности, и реструктуризации религиозных институтов, и форм их взаимодействия с институтами власти. Продуцирование массовой культурой новой религиозной мифологии (типа нью-эйдж), способов групповой коммуникации и удовлетворения религиозных потребностей. В прикладном аспекте – это обсуждение методики религиозоведческих экспертиз по 282 и 148 УК РФ (5).

Создание и принятие конвенции корпоративной религиозоведческой идентичности в той или иной форме считаю своевременной и назревшей задачей. Таким образом религиозоведческое сообщество может заявить о себе, продемонстрировать наличие методологических и профессиональных границ, а также обсудить ценности и нормы корпоративной научной этики и коммуникации. Речь идет не о «невидимых колледжах», а именно о требованиях сообщества к его членам и ко всем, кто решил заняться исследованием религии, основанным на этосе науки. Специфика религиозоведения, изучающего мировоззренческие системы и институты, претендующие на абсолютную ценность, вероятно, повышает опасность для исследователя опасность усвоить способ мышления объекта исследования и тем самым «превратиться в феномен». Гарантии свободы научной дискуссии, основанные, в частности, на ценностях универсализма и организованного скептицизма, могут и должны исходить от профессионального научного сообщества. Использование генеративного искусственного интеллекта, который может сфабриковать и основные элементы программы, и данные полевого исследования, и обзор литературы, и библиографию, которая будет содержать заведомо вымышленные и некорректные данные. Поэтому создание неформальных институтов и других форм профессионального общественного контроля качества научных исследований в условиях, когда официальные институты научной экспертизы не всегда справляются со своими функциями, представляется актуальной задачей (6).

Диффузный характер бытия религии в обществе. «Повседневная» религиозность (восприятие традиций и их трансфор-

мации в реальных верованиях и практиках) и ее авторитеты (что из себя представляют, как возникают, как действуют) (7).

Я бы сказала, что нашему религиоведению с некоторых пор не хватает внутреннего мира и согласия, но это ведь не вопрос для рефлексии (Васильева).

«Самоочищение» на доказательной базе от <...> методологической и теоретической односторонности. Она – питательная среда самых искренних и гуманистически ориентированных замыслов. Но возможно ли принципиально избежать односторонностей в попытках создания моделей религиозного сознания, претендующих на исчерпывающую завершенность? Особенно в условиях зашкаливающей турбулентности всех уровней современной жизни человечества? <...> Здесь та же трудность, что и при попытках утвердить одну из возможных картин творческих процессов в искусстве в качестве «почти» законченной и исчерпывающей. Поэтому полагаю, что мировое религиоведение обречено работать над частичным исправлением ошибок предыдущих поколений и совершать, в свою очередь, ошибки по «профилям» своего времени (9).

Религиозные проекции современной «жажды» антропологической революции или антропологической трансформации. Такие паттерны, как неудовлетворённость наличной человеческой природой, чаянье быть богами и богинями, вечно молодыми, счастливыми, обладающими сверхчеловеческими способностями и т. п. и т. д. являются не только продуктами современных технологий и форм социально-психологического принуждения (по Ж. Бодрийяру – гиперреальности), но и сами рождают к жизни новейшие религиозные феномены, которые не только отражают эти антропологические запросы, но и уже существенно влияют на сознание и бытие человека (например персонажи-талисманы для продуктов Vocaloid – поп-идол Мику Хацунэ. Поэтому тема «“Новые религии” и “новый человек”: диалектика взаимоотношений», сегодня не может быть обойдена стороной (10).

Метарелигиоведение (что это такое и зачем); комплексный анализ языка религии; комплексный анализ понятийного аппарата наук о религии (11).

Возвратиться к анализу понятий «традиционные» и «нетрадиционные» религии. Гнобить традиционные для России

протестантские конфессии становится ... намного легче так как их по определению относят к нетрадиционным.

Во-вторых, рефлексии требует и процесс клерикализации среднего образования. Не знаю как у Вас, а у нас директорам выламывают руки, чтобы они выбирали «Основы православной культуры». В-третьих, необходимо опять вернуться к анализу различия между религиоведческими и теологическими (скорее богословскими) исследованиями. Претензии доморощенных теологов на то, что теология заменить все гуманитарные науки от истории до философии начинает принимать угрожающий характер для гуманитарного знания вообще (12).

Важной темой для обсуждения я бы назвал переоборудование религиоведческого стандарта образования, – наборы у нас небольшие, особой популярностью профессия не пользуется, а вот перспективы темы трудно переоценить. <...> Академическая траектория (четверть мест) ведет к приращению новых знаний, прикладная (остальные три четверти) – к государственной службе в тех ведомствах, в которые выпускник сможет пройти конкурс. Последнее крайне важно, поскольку задача **налаживания экспертного диалога между государством и академическим сообществом** предельно важна. Государство нуждается в экспертах-прикладниках, а ученые нуждаются в госзаказе и поддержании собственного социального статуса (13).

Вот прямо сегодня есть запрос на противодействие экстремизму, патриотическое воспитание и традиционные ценности. Религиоведы должны этот пирог делить, отбирая у теологов и прочих деструктологов. Курс «История религий в России» тоже формирует определенный запрос, который надо на местном уровне решать, эдакое «краевое религиоведение», которое сейчас очень слабо представлено в несистематизированных публикациях и экспертных материалах, не всегда пригодных для студентов (15).

Политизация религиоведческого «поля» (экстремизм, оскорбление чувств верующих), граница между «мирским» и религиозным в секулярном обществе (17).

Неотложным представляется выявление и описание самых разных форм и проявлений религиозности в современных обществах по всему миру. Здесь уместно вспомнить само различение *веры и религии* (18).

Неотложной религиоведческой рефлексии и обсуждения в профессиональной среде, на мой взгляд, требует: проблема витальности (жизненного потенциала и перспектив) религии в различных социокультурных средах; какого рода конфессии и типы религиозных объединений, в какой степени, с каким функционалом и с какими вероятными последствиями имеют перспективы занять / сохранить ниши в конкретных регионах и анклавах «множественных современностей» (19).

Из текущих актуальных проблем полагаю первостепенной отстаивание права религиоведения на существование в системе российской науки и образования (20).

Осмысление современных подходов к публичному присутствию религиозных традиций и новаций с учетом возрастающей роли идентификационных маркеров конфессиональной принадлежности. Анализ последствий религиозного и культурного плюрализма, включающий в себя исследование процесса культурализации религии, указывает на необходимость реструктуризации значений религиозного фактора. Прежде всего это относится к новым вызовам по отношению к государству, его политике по регулированию религиозного плюрализма на фоне политизации религиозных сообществ. Изменение природы религии, неопределенность будущего религии в современном мире имеет экзистенциальные последствия для функционирования свободы совести и ее взаимосвязи с правом и законом. На мой взгляд, в центре внимания современных религиоведческих исследований, должна быть политика государства в сфере свободы совести, модели ГЦО, государство-религия-общество.

– Религия и школа, включая и высшую школу (модель религиозного образования, содержание урока о религии и его статус, религиозные символы в государственной школе).

– Религия и армия. (вообще присутствие в войсках капелланов, то есть право военнослужащего на свободу совести); право на освобождение от службы в армии; критерии.

– Религия и Искусственный интеллект. Есть опасность превращения человеческих отношений в простые алгоритмы (23).

Перетекание акцентов из сферы сугубо религиозной в социальное и политическое пространство. Религия как катализатор политических стратегий.

Религиозные проекты будущего. Переформатирование религиозности и судьба религиозных институтов. Почему при явном запросе на экспертизу, снижается востребованность религиоведческого образования (24).

Необходимо переориентировать исследования на жизнь верующих, реальную живую религию, за рубежом отчасти это уже происходит в рамках практического поворота. Для изучения практики религии необходимо опираться не на философское знание религиоведа, а на междисциплинарный набор методов, развитый во множестве современных гуманитарных дисциплин: искусствоведении, психиатрии, психологии, антропологии, культурологии (особенно в смысле culture studies), истории и т. п. Междисциплинарность должна стать базой для нового религиоведения. Религиоведам нужно аккумулировать и критически изучить значительный багаж современных исследований в смежных областях. Нельзя принимать на веру никакие достижения и не поклоняться никаким громким именам, не поверив прежде того, что ими реально было достигнуто и до какой степени их открытия работают, для этого необходимо проникнуть в логику других дисциплин, изучить их механику. В иных сферах науки постоянно затрагивается тема религии и исследователи имеют свое представление о том, что и как они изучают, зачастую их представление наивно, но получаемые ими результаты могут быть небезынтересны, и религиовед, владеющий материалом гораздо лучше, может с их помощью пересмотреть свое представление, развить новое видение предмета, отбросив шелуху поверхностной концептуализации, которой исследователи в иных сферах нередко грешат (25).

Смысл политики государства в вопросах свободы совести – обеспечение мировоззренческого плюрализма в обществе, справедливого и равного для всех мировоззренческих групп населения (26).

«Неотложки» требует прежде всего **современность**, поскольку она разворачивается прямо у нас на глазах, и религия никуда не исчезла. Изучение меняющегося облика религий, их перетекания в какие-то новые, причудливые формы; изучение виртуальной среды, в которой полно религиозного, тех же компьютерных игр или соцсетей; наблюдение за отношениями государства / государств, властных структур – и религиозных

сообществ; взаимоотношения общества и религии; постоянный мониторинг археологических открытий, которые чаще всего связаны именно с религией; соотношение частного-публичного относительно религий; переоценка сложившихся, казалось бы, очевидных истин и положений; улучшение экспертной религиоведческой работы (и ее теоретического оснащения) с обменом опытом между коллегами; развитие прогностической функции науки – этого явно не хватает сейчас. В гуманитарных науках не хватает метарефлексии над проблематикой «**белых пятен**», и в религиоведении в том числе. С одной стороны понятно, что каждая научная работа в каком-то смысле делает шаг вперед, развивая науку в целом, с другой, нет какой-то, что ли, единой базы таких «пятен», или какой-то обобщающей монографии (наподобие библиографического издания), чтобы новичок, подступаясь к дисциплине, сразу видел, где наука уже значительно шагнула вперед, а где еще остается много непознанного или искаженного. Мне сложно это сформулировать яснее, потому что вижу очевидную критику – но в самом деле, нет таких исследователей-религиоведов, если я, конечно, не ошибаюсь, которые бы старательно фиксировали достижения коллег и систематизировали бы по пунктам, что, где, какими способами можно было бы продвинуться вперед. Нашелся бы какой-нибудь вездельный специалист, который собрал бы воедино весь этот ворох проблем и познакомил бы его с миром? (27).

Констатирую тенденцию представить теологию как религиоведение. Необходимо сохранить светскость религиоведения. Должен быть авторитетный центр религиоведения в виде Совета. Нужно провести научно-практическую конференцию с привлечением к участию в ней как можно большего числа религиоведов из провинции (48).

Степень включенности в религиоведческий дискурс постмодернистской научной парадигмы. Преодоление европоцентризма и христианскоцентризма европейского религиоведения: платонической модели времени, притязаний категорий религиоведения на общезначимость. Размежевание религиоведческого, философского и теологического дискурсов. Роль религии в современном государстве и в изменившемся политическом контексте. Секулярные формы сакрального. Новые религиозные движения (30).

Религиоведам, во-первых, следует лучше понять, что именно они могут дать своими исследованиями и, шире, своей деятельностью – обществу и государству. Необходимо выстраивать отношения между научным и образовательным сообществом с одной стороны, и государственными структурами, общественными и религиозными объединениями, с другой. Должно делать акцент на популяризации религиоведческих знаний – *просвещении*. Религиоведение безусловно может и должно вносить свой вклад в борьбу с негативными явлениями нашей жизни – религиозным экстремизмом и религиозным невежеством. Необходима энциклопедия отечественного религиоведения, необходим рабочий учебник по истории отечественного религиоведения. Сформулировать – в том числе и для широкой публики – позицию по вопросу об отношениях теологии и религиоведения. Религиоведение – по его методологическим и ценностным установкам – отличается от теологии. Важно не только прочертить демаркационные линии – что было сделано уже не раз – но также и увидеть то, что объединяет теологию и религиоведение. Неотложным для религиоведческой рефлексии является то, что требует от религиоведов неотложного действия. По преимуществу это коллективные действия, нацеленные на сохранение и развитие религиоведения как системы знания и института; действия, способствующие укреплению профессиональной идентичности у молодого поколения религиоведов и обеспечивающие его материальными условиями и, главное, указывающие ему перспективы будущего развития его родной дисциплины (31).

Надо иметь какое-то сообщество со своим печатным органом (желательно со всеми регалиями для отчетности, которую никто почему-то не отменяет). Настоятельно необходимо быстро реагировать со события в мире и в стране, давать им оценку, несмотря на царящее уныние, депрессию и неопределенность (нет уверенности в завтрашнем дне), возможные негативы и т. д. Многие не считают возможным вообще определять свою позицию, по разным причинам. Темы: религия и (не) религиозная идентичность контексте глобальных изменений в мире; российская социально-философско-религиозная специфика исследований; российский взгляд на то, что происходит в мировой культуре и образовании; самодостаточность

и многообразии русского языка, и бережное к нему отношение, сопротивление тенденции все время и повсюду пользоваться убогими кальками иностранных слов (32).

Надо особое внимание обратить на то, что религиозный (как и национальный) фактор стал одним из опасных показателей существующей в мире напряженности. Его влияние в ряде случаев превышает значимость экономических и социальных факторов (35).

Что есть сегодня религия, какие её современные формы существования, чем она отличается от «классических религий» (если они существовали), как она влияет на повседневную жизнь наших современников (36).

Речь сегодня идет о сохранении религиоведения как научной дисциплины перед угрозой ее идеологического кооптирования в институты и практики государства, становящегося все более и более авторитарным. Речь идет об угрозе превращения религиоведов в экспертов на судах против религиозных диссидентов. Речь идет о подмене религиоведения идеологическими рассуждениями о духовном возрождении России и о превосходстве России перед загнивающим Западом. У религиоведов нет возможности как-то изменить эти общегосударственные тренды, единственное, что они могут – не участвовать в этом и сохранять верность академическим идеалам в надежде, что однажды ситуация изменится и можно будет передать эти идеалы будущим поколениям. Может быть, это не очень амбициозная с научной точки зрения задача, но это вопрос выживания религиоведения. В противном случае религиоведение в России придется создавать заново (38).

В общественных и гуманитарных науках чрезмерно (вообще без того не бывает) расцвели циничный карьеризм и стремление угодить властям. Но я не представляю, как этому можно противостоять. Однако мои представления о том, как функционирует научная жизнь не совпадают с Вашими. Я не вижу пользы в «консолидации». Естественно, что учёные имеют разные представления об авторитетах, о «религиях в истории и современности», о «понятийном аппарате и методах исследования по всем основным направлениям религиоведения». На мой взгляд разнообразие и несогласие во всех этих вопросах скорее полезны, чем вредны. Я не верю, что возможен объективный «гамбургский счёт» (39).

Хорошо бы обсудить такие проблемы (которые, конечно, уже затрагивались сотни раз) и прийти к какому-то общему решению.

1. Религиоведение – это наука или совокупность наук.

2. Должно ли религиоведение быть исключительно академической наукой или академическо-прикладной, или прикладной или (если это совокупность наук) часть наук должны быть фундаментальными (и не будем требовать от философов ничего такого), а часть исключительно прикладными.

3. Этический кодекс – нужен ли он? что делать с методологическим атеизмом и методологическим агностицизмом, насколько могут влиять личные предпочтения и насколько мы допускаем сотрудничество с государством, партиями, религиозными организациями и т. д.

4. Вопрос образования. Понятно, что в современных условиях мы ничего не можем изменить, но нам никто и ничего не мешает помечтать. Вопрос с образованием связан, в моем представлении, с пунктом 1 и 2 очень сильно.

5. Создание (в соответствии с п. 4) учебных программ и учебников. Возможно, в каких-то новых форматах (40).

Необходимость профессионального именно религиоведческого обсуждения последствий нарастания вмешательства государства, криминальных, политических и идеологических структур в религиозную жизнь, использование религиозных символов, мифологем, культов для решения своих задач. Мне кажется, это процесс идет неуправляемо и последствия его, с учетом новых технологий, могут быть непредсказуемы. Мировые религии теряют свои традиционные функции, а на их место ведь пока ничто, равное им по силе, не приходит. И под религиозной оболочкой эти функции начинают переходить к политическим и криминальным как национальным, так и транснациональным структурам. Никто этот процесс не изучает (42).

Возможны дискуссии о последствиях риска утраты даже флера светскости в России? Останется ли Дарвин в учебных программах, или победят чеченские политики, требующие его изъять? Будет ли разрешено многоженство для мусульман только на Кавказе или во всей России? Будет ли введен религиозный налог? Получит ли статус госслужащих священство? Частных вопросов много и в их обсуждении примут участие многие. Кто победит? И не станет ли «победа» (одержанная

по отработанным лекалам выборов) оправданием разрушительных решений, как это стало с заменой религиоведения теологией в вузах и введением православия (фактически это так) в школах? Нужна ли принимающим решения религиоведческая экспертиза межконфессиональных отношений и религии как фактора социальных процессов/трендов/тенденций в ситуации рисков утраты территориальной целостности государства, если через уступки всем и вся можно затормозить этот процесс? (44).

Если говорить о теоретической стороне религиоведения, то, на мой взгляд, чрезвычайно важно религиоведам определиться с пониманием критериальных отличий религии от эзотерики. В настоящее время, по опыту моего общения с коллегами, у большинства такое понимание отсутствует. Кто-то вообще этим не интересуется, кто-то полагает, что эзотерика – это та же религия, просто имеющая иную форму духовности и т. д. Критерии различий религии и эзотерики являются весьма дискуссионными, но, между тем, тема эта актуальна не только в теоретическом, но и в практическом аспекте (практической сфере исследований религиоведа), в частности в религиоведческой экспертизе, где творится какая-то странная для науки (религиоведения) путаница из-за неверной интерпретации как базовых религиоведческих понятий, так и собственно, объектов исследования эксперта. Последние очень часто представлены различными общественными организациями как религиозными, так и целительными, эзотерическими и т. д. и из-за ошибочности экспертного анализа, в экспертизе оказываются ложные выводы, на основании которых выносятся судебные решения. Вообще проблема религиоведческой экспертизы в практическом аспекте религиоведения очень значима. И тут возникает новый круг – каковы критерии отношения человека к «сонму» экспертов? Каждый ли специалист, имеющий высшее гуманитарное образование, может выступать в качестве эксперта? Каковы методологические основания и принципы проведения религиоведческой экспертизы. Собственно, мы с коллегами пытались и пытаемся найти ответы на данные вопросы, но проблема в том, что сделать наши ответы реально «работающими», учитываемыми судами и т. д. Еще в рамках практического религиоведения я бы традиционно выделила конкретно-социологическое изучение современной

религиозности и квазирелигиозности, различных их аспектов. Используя сугубо социологический инструментарий и возможности интернета сегодня можно проводить широкомасштабные исследования и получать вполне достоверные результаты, которые, безусловно, помогают (подкрепляют или опровергают) некие теоретические построения, делают их значительно более достоверными, чем простое «теоретизирование» (47).

Об авторе

Смирнов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0000-0002-1749-3003, e-mail: mirsnov@yandex.ru

About the author

Mikhail Yu. Smirnov, Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation; ORCID ID: 0000-0002-1749-3003, e-mail: mirsnov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 12.02.2025
Принята к публикации: 12.02.2025
Опубликована: 11.03.2025

Received: 12 February 2025
Accepted: 12 February 2025
Published: 11 March 2025